

Снаружи, слегка покачиваясь под порывами ветра, цвели розы. Изящная, словно живая, статуя богини склонилась над водоёмом, бережно прижимая к груди кувшин. Из него в окружённый цветами бассейн тонкой струйкой бежала чистая родниковая вода. Хань Цзин сидел в просторном холле, гипнотизируя взглядом настенные часы. Стрелка неумолимо отсчитывала минуты — прошло уже около получаса.

Морис всё не возвращался...

Тревога нарастала. Хань Цзин рассеянно провожал взглядом сновавших туда-сюда медсестёр и врачей. Санаторий Берлин считался закрытым учреждением высшего класса для чинов федерального правительства. Слухи здесь распространялись со скоростью лесного пожара, ведь среди постояльцев числились исключительно высокопоставленные лица.

Будучи случайным носителем генома атлантов, Хань Цзин физически уступал Морису с его феноменальными, близкими к абсолютному идеалу способностями, однако всё равно превосходил обычных людей. Это выражалось не только в поразительной выносливости во время их страстных ночей, но и в необычайно обострившихся чувствах.

Тихое шушуканье двух медсестёр, шедших по коридору, должно было остаться тайной, но Хань Цзин, сосредоточившись, отчётливо расслышал их приглушённые голоса и тихий, резанувший по ушам смешок.

— Выходит... слухи последних дней — правда?

— Да кто знает, откуда они поползли? Но, по-моему, чистая правда! Генерал Грант сегодня сам не свой, лицо чернее тучи. А уж когда он только что в оранжевое стоял... Даже издали смотреть страшно было!

— Тише ты! Я тебе только потому говорю, что сама случайно подслушала...

— Да мы и так еле дышим, никто не услышит. Но неужели генерал Морис действительно беременен?! Он же четырёхзвёздный генерал!

— Похоже, уже и живот заметен. Неужели всё действительно так дико, как болтают?

— Сплетен куча, ты какую имеешь в виду?

— Ой, да от любой из них мороз по коже!

Медсестра слева прыснула в кулак, но, внезапно заметив неподалёку хмурого Хань Цзина, незаметно толкнула напарницу локтем. Обе мгновенно смолкли и поспешили пройти мимо.

В одно мгновение светлая радость Хань Цзина испарилась, уступив место свинцовой, давящей боли. Ему казалось, он прекрасно понимал, под каким давлением находился Морис, и изо всех сил старался сгладить углы. Но столкнувшись со сплетнями лицом к лицу, он с ужасающей ясностью осознал: все его прежние представления были жалкой иллюзией. На плечи Мориса давил невыносимый, колоссальный груз общественного мнения.

Гордый, бескомпромиссный, привыкший во всём быть безупречным — и теперь Морис вынужден терпеть грязные пересуды за спиной. Хань Цзину от этих слов было физически больно, словно в грудь вонзили нож. А если бы их услышал сам Морис?..

Сердце Хань Цзина бешено заколотилось. Вскочив на ноги, он забыл о коробке с кордицепсом китайским, оставленной у кресла, и бросился туда, откуда только что пришли медсестры. Выбежав через боковую дверь и пролетев мимо увитых розами ступеней, он лихорадочно огляделся. Среди цветущих кустов, в нескольких шагах от него, стоял Морис. Прямо перед ним находился генерал Грант.

Разделяло их от силы полметра. Но в этой позе не было ни капли родственного тепла — лишь глухое, ледяное противостояние. Ослабленный болезнью генерал Грант, тяжело опираясь одной рукой на трость, упрямо выпрямил спину, наотрез отказавшись от поддержки сына.

Немного умирив бушевавший внутри гнев, старший Норман заговорил — медленно, тоном, не терпящим возражений:

— Я могу списать это на минутное помутнение рассудка. Но с этой грязью, с этими омерзительными слухами должно быть покончено. Немедленно.

— Он всего лишь твой подчинённый, у него даже звания толкового нет! И этому мальчишке хватило какого-то полугода, чтобы лишить тебя остатков разума! Представляешь теперь, насколько этот китаец хитёр и расчётлив?

— Я этого не потерплю! Отошли его прочь. Избавься от этого выродка. Я распоряжусь, чтобы ему выплатили щедрые отступные — этой суммы с лихвой хватит, чтобы он безбедно существовал до конца своих дней.

— Это мой предел, Морис.

Грант поднял тяжелый, давящий взгляд на сына, ожидая покорного согласия.

— Отец...

Морис на мгновение запнулся, слова давались с трудом. Собравшись с духом, он глухо, но непреклонно произнёс:

— Ребёнок родится. Беременен не Хань Цзин. Это... это я, твой сын, вынашиваю ребёнка.

— Что?!

Грант покачнулся. Лицо его исказилось от шока. До последнего он гнал от себя грязные домыслы, но теперь правда обрушилась на него подобно удару грома. С силой вогнав трость в землю, он взревел от ярости:

— А ну повтори!

Морис нахмурился, прямо встретив этот уничтожающий взгляд, и ровным голосом повторил:

— Я беременен. Будет девочка.

— Заткнись!

Грант побагровел от гнева, вены на его лбу вздулись.

— Значит, мерзавцы не врал! Всё правда! Какой позор... Ты растоптал имя нашей семьи! Четырёхзвёздный генерал, единственный наследник рода Норманов! И ты... ты позволил какому-то ничтожному выскочке раздвинуть перед тобой ноги?! Позор! Несмываемый позор!

Обезумев от ярости, старик зарычал, как раненый зверь. Вены на его руке, судорожно сжимавшей набалдашник трости, опасно надулись. Потеряв над собой контроль, он вскинул тяжёлую палку, замахиваясь на сына.

— Морис!

Хань Цзин похолодел от ужаса. Сорвавшись с места, словно выпущенная из лука стрела, он в мгновение ока оказался рядом и заслонил собой Мориса, крепко обняв его. Тотчас спину обожгло дикой болью — Грант и не подумал остановиться. С яростью, выходящей за рамки обычного гнева, старик принялся наносить удар за ударом, без капли жалости.

— Отец?!

У Мориса похолодело внутри. Сердце сжалось от боли за Хань Цзина. Он попытался оттолкнуть его, увести из-под ударов, но тот держал намертво, закрывая собой Мориса от яростных взмахов трости.

Ослеплённый бешенством Грант даже не посмотрел, кто именно встал на его пути. Скрипя зубами, он обрушил всю свою злобу на Хань Цзина. Каждый удар старого военного,

сохранившего сокрушительную силу, ложился точно и безжалостно.

Хань Цзин вырос в сытости и холе, не зная лишений, и никогда в жизни не подвергался подобному унижению. Но сейчас, как и во время катастрофы на Камере, он думал только об одном: спасти Мориса. Терпя сыпавшиеся на спину жестокие удары, он лишь крепче сжимал объятия. Тело разрывалось от боли, но куда сильнее болела душа — его душила глухая ярость от жестокости Гранта. Ведь если бы хоть один такой удар пришёлся по животу Мориса, это убило бы не только их нерождённую дочь, но и его самого!

— Вам совсем плевать на его здоровье?! — Хань Цзин развернулся, по-прежнему прикрывая собой Мориса, и закричал от kloкотавшей в груди ярости: — Он же ваш сын! Он носит ребёнка! Да вы хоть знаете, что тогда, у Звёздных врат, он едва не потерял дитя?! Он от боли чуть не умер!

— Тебя я бью, паршивец! Тварь расчётливая! Что тебе от него нужно?! Власть?! Четырёхзвёздные погоны?! Или богатство семьи Норман?!

Грант тяжело дышал, его лицо перекосило от ненависти.

— Мне ничего от него не нужно! Я просто люблю Мориса!

— Любовь?! Смехотворно! Из-за твоей поганой любви мой сын погрызнет в вечном позоре! Ты хоть представляешь, как его станут мешать с грязью?! Он же до конца своих дней из-за тебя головы поднять не посмеет!

— Я...

Хань Цзин осёкся. Очередной удар пришёлся по лопатке, заставив его сжать зубы. В его глазах отразились растерянность и глубокая, разъедающая душу боль.

Ситуация выходила из-под контроля. Морис почувствовал опасный, тянущий спазм внизу живота — от пережитого стресса матка пришла в тонус. Подавив подступившую боль, он задействовал всю свою силу и жестко оттащил Хань Цзина в сторону, выводя из-под траектории нового удара.

— Ты почему не уворачивался, дурак?! Зачем подставлялся?! — в гневе и отчаянии крикнул Морис. А затем, повернувшись к отцу, отчеканил: — Согласен ты или нет, отец, но мы с Хань Цзином поженимся.

— Вон отсюда!

— С глаз моих, скользкая тварь!

— Твоя дешёвая любовь превратит его жизнь в сплошное унижение!

«Унижение... Сплошное унижение...»

Презрительные взгляды тех медсестёр, их ядовитый шёпот, жестокие слова Гранта — всё это ядом въедалось в душу Хань Цзина. Физическая боль на спине померкла перед этой невыносимой внутренней раной. Даже яркие лучи солнца и весёлые голоса прохожих за окном машины казались теперь чужими, блёклыми. Мир вокруг лишился красок, не оставив места для недавнего семейного счастья.

Морис сидел на пассажирском сиденье, слегка откинувшись назад и бережно прижимая ладонь к низу живота, где то затихала, то вновь давала о себе знать глухая боль. В его полуприкрытых глазах застыл опасный, ледяной блеск. Кто-то намеренно донёс отцу. Кто-то раздул эти сплетни до масштабов катастрофы. В отличие от порывистого Хань Цзина, Морис всегда просчитывал шаги наперёд и отличался хладнокровием, но сегодняшняя сцена выбила почву у него из-под ног.

В салоне машины повисла тяжёлая тишина. Каждый молча переваривал случившееся. Наконец Морис вздохнул, прогоняя мрачные мысли, и обеспокоенно повернулся к партнёру.

— У отца тяжёлая рука, я знаю. Спина сильно болит? Может, заедем в госпиталь?

— Всё в порядке, — Хань Цзин мягко улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги. Он старался казаться сосредоточенным на вождении, чтобы Морис не заметил гложущей его тоски. — Твой отец только казался свирепым. На самом деле он просто вымещал злость и следил за тем, чтобы ненароком не задеть тебя. Обычная показуха.

С трудом взяв себя в руки, он обернулся к Морису, и в его взгляде проскользнула тревога:

— А ты как? Сильно бледный. Ничего не болит?

— Ты ведь закрыл меня собой, откуда взяться ранам? — Морис попытался скрыть очередную вспышку боли за усталым вздохом. — Разве что утомился немного...

Когда машина свернула на улицу Криус и впереди показались ворота их дома, он тихо добавил, стараясь подбодрить Хань Цзина:

— И не бери в голову слова отца. У нас с ним всегда были натянутые отношения. Сегодня он просто отыгрался на тебе за всё, чем я его когда-либо разочаровал.

— С чего бы мне забивать этим голову?

Хань Цзин припарковал машину возле дома и заглушил двигатель. Но стоило ему встретиться с пронизательным взглядом Мориса, как улыбка сползла с его лица.

— Хотя... в чём-то твой отец прав. Я действительно виноват перед тобой.

Заметив, как набежала тень на чело Мориса, Хань Цзин поспешно подался вперёд и нежным, полным раскаяния поцелуем заставил его замолчать.

— Тебе тоже нужно выбросить это из головы, — прошептал он в самые губы партнёра, уходя от опасной темы. — Раз устал, ложись спать. Я открою тебе дверь.

Морис лежал на просторной кровати с балдахином под невесомым шёлковым одеялом, бережно поглаживая округлившийся живот. Постепенно тянущее ощущение ушло, уступив место покою. Хань Цзин окружил его заботой, предугадывая каждое желание, но уснуть Морис так и не смог. В памяти то и дело всплывали яростное лицо отца и избитый, но непреклонный Хань Цзин. За окном террасы сгустились тени, и заходящее солнце окрашивало комнату в тревожные багровые тона. Приблизился вечер.

Хань Цзин проявил редкое упрямство: наотрез отказался показывать спину, уверяя, что там пара пустяковых царапин. Посидев у постели Мориса, пока тот не расслабился, он натянул беззаботную улыбку и ушёл на кухню готовить ужин. Но за этой напускной весёлостью крылась глубокая, разъедающая тоска, которую невозможно было скрыть.

Сегодняшний скандал лёг мрачной тенью между ними, в один миг разрушив хрупкую идиллию, которой они наслаждались последние недели.

Хань Цзин стоял у кухонного стола, низко опустив голову. Нож в его руке двигался вяло, без прежней уверенной лёгкости. Ярость старого генерала Нормана и пренебрежительные ухмылки медсестёр стояли перед глазами. Эти воспоминания, точно сырой осенний туман, заполняли душу, выстужая тёплое семейное счастье. Погружённый в свои мысли, он даже не заметил, как за окном окончательно стемнело.

Спустившись по лестнице, Морис обнаружил, что в гостиной царит полумрак. Лишь из приоткрытой двери кухни лился тусклый, унылый свет. Там, посреди пустой комнаты, стоял одинокий силуэт Хань Цзина.

— Давай помогу, — негромкий, бархатный голос Мориса разрезал гнетущую тишину.

Он щёлкнул выключателем. Резкий, яркий свет залил кухню, заставив Хань Цзина вздрогнуть и очнуться от своих мыслей.

— С чего начать? — Морис взял со стола кочан брокколи, растерянно вертя его в руках. Было очевидно, что в кулинарии он полный профан.

Хань Цзин тут же забрал у него овощ. Ему не хотелось, чтобы утомлённый Морис утруждал себя даже такой мелочью.

— Иди посиди. Только испачкаешься, да и толку от тебя на кухне никакого.

— Ты сам не свой, — Морис перехватил его за запястье, не давая уйти от разговора. Его взгляд стал пронзительным и строгим. — Что тебя гложет? Расскажи мне. Человек, которого я полюбил, никогда ничего от меня не скрывал. Будь со мной честен.

Эти простые слова ударили по самому больному. Хань Цзин изо всех сил пытался сохранить лицо, но благополучие Мориса было для него важнее собственного упрямства.

— Мне кажется... я виноват перед тобой, — тихо признался Хань Цзин. Он поднял глаза на безупречно красивое, благородное лицо Мориса, и чувство собственной неполноценности, преследовавшее его весь день, вспыхнуло с новой силой. — Твой отец прав. Моё присутствие рядом с тобой лишь подставит тебя под удар. Ты — прославленный генерал, а я — обычный капитан, песчинка в аппарате Федерации. Ладно бы ещё я вынашивал этого ребёнка, но теперь... Когда я думаю о том, какое клеймо на тебя повесят из-за меня, мне становится страшно. Я проклинаяю собственную глупость!

Он тяжело вздохнул, уставившись в пол.

— Я глупец. Решил, что раз люблю тебя всей душой, то смогу сделать счастливым. Но сегодня до меня дошло: сколько бы я ни лез из кожи вон, мне никогда не искупить тот позор и те жертвы, на которые ты пошёл ради меня.

— И поэтому ты решил отступить? Жалеешь обо всём?

— Нет, конечно! — Хань Цзин вскинул голову и наткнулся на лукавый прищур сине-зелёных глаз. Морис вовсе не злился — он просто поймал его на слове. — Меня бесит собственное бессилие. Я ничем не могу тебе помочь, только тяну на дно, — с горечью выдохнул Хань Цзин. — Плевать мне на то, что обо мне болтают. Но когда дело касается тебя... Я не переживу, если тебя ранят. А защитить тебя у меня не хватает сил.

— Думаешь, мы зашли в тупик?

— Да, — Хань Цзин понурил плечи, сокрушённый лавиной собственных страхов.

— Тогда возьми меня за руку. Я выведу тебя из этого лабиринта, — ласковый, тёплый взгляд Мориса коснулся лица Хань Цзина. Он сжал его ладонь в своей. — Хань Цзин, от этого никуда

не деться, поэтому прекрати изводить себя. И перестань опекать меня на каждом шагу. Прежде всего я — мужчина и твой командующий. Со слухами я разберусь сам. Поверь, грязные сплетни преследуют меня с первого дня, как я получил генеральские погоны. Кое-что я не планировал рассказывать, но раз уж мы заговорили об этом, послушай.

Морис присел на край стола, увлекая Хань Цзина за собой.

— Мы выросли в совершенно разных мирах. В обычной жизни наши пути никогда бы не пересеклись. Я оставался бы недостижимым командующим, ты — скромным подчинённым. Мы виделись бы от силы раз в год на официальных смотрах, и ты, весьма вероятно, трепетал бы передо мной ещё больше, чем Роджер. Но наследие Атлантиды — какими бы силами оно ни управляло — свело нас вместе, связав столь прочными узами, что разорвать их теперь невозможно. Но в реальном мире любовь требует компромиссов и взаимного терпения. Только так чувства могут пережить любые бури.

— Мой собственный отец... Тебе ведь тоже пришлось несладко из-за него? — Хань Цзин нахмурился, вспомнив, как на семейном празднике отец настойчиво представлял Мориса многочисленным родственникам и друзьям.

— Было немного. Да и ты сам порой подливаешь масла в огонь, — Морис нежно улыбнулся. — Но всё это пустяки, ради тебя я готов стерпеть и не такое. Как-никак я твой командир и должен проявлять снисходительность к твоим капризам и порывистости. Мужчина обязан быть великодушным, верно?

— Погоди, — перебил его Хань Цзин. — Из твоих слов выходит, будто это ты меня опекаешь?

Его вопрос прозвучал робко. Реальность слишком сильно расходилась с его собственным отчаянным желанием во что бы то ни стало защитить Мориса.

— Хочешь защитить меня? Что ж, тогда тебе придётся изрядно постараться. По крайней мере, дослужись до моего звания — только тогда окружающие поверят, что ты на это способен, — глаза Мориса вспыхнули ярким, подстрекающим огнём. Он пристально посмотрел на возлюбленного. — Вспомни экспедицию к Звёздным вратам. Когда ты вычислил координаты Камеры, ни одна живая душа не посмела оспорить твоё досрочное повышение. Ты делом доказал своё право быть со мной, заставив завистников умолкнуть. Не теряй веры в себя. В твоих руках — знания высокоразвитой цивилизации Нордик. Это твой фундамент, твой ключ к успеху. Я буду рядом. Мы пройдем этот путь рука об руку. Пусть на это уйдёт восемь лет, пусть десять — наступит день, когда ты благодаря собственному уму и силе займёшь равное положение рядом со мной. Тогда всё изменится. Тебе станет глубоко плевать на жалкое шипение за спиной. И поверь мне, тогда даже мой отец признает, что мой выбор был единственно верным.